

УДК 81:1.37.016:81
ББК Ш1в+Ш12/18-9

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 13.00.02; 10.02.19; 10.02.20; 10.02.01

Комарова Зоя Ивановна,

доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; e-mail: zikomarova@bk.ru

ФИЛОСОФИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия лингвистического образования; философия лингвистического познания; философия науки; науковедение; философия языка; философия лингвистики; лингвистическая онтология; лингвистическая гносеология.

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена междисциплинарной проблеме взаимообусловленности, взаимодействия и взаиморегулирования философии лингвистического познания и философии лингвистического образования на базе социокультурной специфики третьего тысячелетия, в условиях постнеклассической науки и полипарадигмальной концепции философии науки и науковедения. Устанавливается социальный заказ на их «сопряжение». Анализируются традиции в философии языка и философии лингвистики. Обосновывается единство функций философии лингвистического познания: *онтологической, гносеологической (эпистемической) и методологической*. Раскрываются дискуссионность и инновационность предлагаемой нами *системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики*, которая состоит в том, что, во-первых, эпистемическая ситуация рассматривается в нашей концепции как метамодель познавательного процесса, что позволяет уточнить структуру лингвистического метода: узальная трехчастная структура метода (*методология ↔ метод ↔ методика*) дополняется четвертым компонентом «технология», который обусловлен императивом современной техногенной цивилизации; во-вторых, в отличие от традиционной трехуровневой системы научных методов (*философские → общенаучные и частнонаучные*) обоснована субординированная иерархическая структура системной лингвистической методологии, включающая девять методологических уровней, взаимосвязь и взаимозависимость которых создает единое целое полипарадигмальной лингвистики и обеспечивает ее связь с когнитивными ресурсами современной культуры; в-третьих, впервые дисциплинарные лингвистические методы систематизируются с позиции парадигмальности / непарадигмальности: *макропарадигмальные, частнопарадигмальные и непарадигмальные*. Все это обуславливает необходимость продолжения реформирования языкового образования, его лингводидактики и методики.

Komarova Zoya Ivanovna,

Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Ekaterinburg, Russia.

THE PHILOSOPHY OF LINGUISTIC COGNITION AND EDUCATION: ON PROBLEM STATEMENT

KEYWORDS: philosophy of linguistic education; philosophy of linguistic cognition; philosophy and science; science; philosophy of language; philosophy of linguistics; linguistic ontology; linguistic epistemology.

ABSTRACT. This article deals with the interdisciplinary problem of the interaction, interdependence and interregulation of the philosophical linguistic cognition and the philosophy of linguistic education on the basis of sociocultural characteristics of the third millennium under the conditions of post-non-classic science and polyparadigmatic concept of the philosophy of science and sociology of science. The social control on their coupling is set in. The article presents the analysis of the traditions of the philosophy of language and philosophy of linguistics. The unity of the functions of the philosophy of linguistic cognition is proved. The following functions are stated: ontological, epistemological, and methodological. The article discloses the breakthrough of the systemic methodology of modern polyparadigmatic linguistics, which is based on the following factors: firstly, the epistemic situation is viewed in our work as a metamodel of the cognition process, which helps to state the structure of the linguistic method (the three-part structure of the method: methodology – method – method implementation are accompanied by the fourth component – the technology, which is called for by the modern technological civilization); secondly, we have stated the unique hierarchical structure of the systemic linguistic methodology, which includes nine methodological levels. The interconnection and interdependence of these levels comprises the unity of polyparadigmatic linguistics and ensures its connection with the cognitive resource of modern culture. Thirdly, this article states for the first time the disciplinarian linguistic methods being systemized from the angle of their paradigm- or non-paradigm-based character: macro-, specifically- and non-paradigm-based methods. All this determines the necessity to continue reforming language education, its linguodidactics and methods.

*Проблематика знания и познания не только не снимается с повестки дня, но становится **центральной** для понимания современного общества и человека (В. Лекторский).*

Кардинальные изменения, происходящие в социально-экономической структуре нашего общества, миграция в мировое сообщество и мировую рыночную экономику предъявляют как никогда ранее повышенные требования к личности будущего специалиста. Помимо высокого уровня квалификации выпускник современного вуза должен быть человеком **самостоятельно инициативным**: должен уметь быстро принимать решения, мыслить нестандартно, быстро адаптироваться в меняющихся жизненных условиях, даже к смене профессии при необходимости, быть конкурентноспособным, уметь ориентироваться в потоках быстро меняющегося современного знания и прогнозировать свое будущее.

А поскольку **образование** «как процесс и результат усвоения знаний, навыков, умений через основной путь получения образования – обучения в системе различных учебных заведений» [50, с. 180] всегда работает на будущее, то необходимо знать философское прогнозирование специалиста XXI века.

Ключевым понятием текущего века является **свобода выбора профессии** на основе личностных приоритетов, поскольку смысл жизни каждого человека состоит в наиболее полной самореализации. В связи с этим «*конечные ценностные приоритеты человека нашего века состоят в созидании своей личности, знающей смысл своей жизни, верующей в возможности его достижения, целенаправленно и активно работающей во имя наиболее полной жизненной самореализации*» [10, с. 21].

Необходимо учитывать то, что в современном мире в результате лавинообразного прироста научного знания оно приобретает временный, неустойчивый характер. Это в свою очередь приводит к быстрому устареванию профессиональных знаний, а потому вызывает острую необходимость в постоянном пополнении и обновлении знаний через **самообразование**, что возможно только благодаря умению работать **самостоятельно** в системе **непрерывного образования** [10].

Анализ научной отечественной и зарубежной литературы за последние 30 лет свидетельствует о том, что доминирующими мировыми социально-культурными процессами XXI века являются **глобализация, информатизация, интеграция, утверждение нового стиля мышления, научная ориентация, реформирование образования**.

Сегодня **компетентностный подход**

(в оппозиции к **знаниево-ориентированному**) в образовании является реализуемым на практике теоретическим обоснованием третьего поколения высшего профессионального образования [5; 14; 39; 45]. Ведущей характеристикой этой модели образования является конечная цель образования: акцент смещается со знания на интегральные деятельностно-практические умения – **компетенции** [50, с. 118], что позволяет ликвидировать разрыв между когнитивным, деятельностным и личностным уровнями развития будущего специалиста. В документах ЮНЕСКО очерчивается круг компетенций, рассматриваемых как желаемый результат образования, целью которого, согласно Болонским соглашениям, является «*обучение и воспитание компетентного человека*» [5, с. 14].

В докладе международной комиссии по образованию для XXI века «*Образование: скрытое сокровище*» Жак Делор сформулировал «четыре столпа», на которых основывается образование: «*научиться познавать, научиться делать, научиться жить вместе, научиться жить*» [14, с. 37]. Это, по сути, основные глобальные компетенции как проявления биосоциального в человеке. Как видим, доминирующей компетенцией, т. е. первым «столпом» образования, является «**научиться познавать**», в котором теоретические знания выступают не в чисто информационном виде, а в качестве **инструмента построения способов деятельности в некоторой предметной области**, интегрируя познавательную, коммуникативную, ценностно ориентированную, эстетическую и в целом практико-преобразовательную деятельности личности [18, с. 81].

Таким образом, переход на новую парадигму образования вовсе не означает уменьшения «столпа» «**научиться познавать**», а напротив, акцентирует такое реформирование образования, которое базируется на приоритетности знания и познания в обществе, основанном на знаниях [13; 47].

Отметим, что в истории педагогики и образования исходили из того, что «*изучение философии – это подлинная основа всякого теоретического и практического образования*» [8, с. 338], что «*в университетах будущего философия станет ядром всякого обучения*» [31, с. 198]. В наши дни философы и представители других наук призывают «*к такой модернизации образования, в которой философия имела бы ключевую роль*» [6, с. 599].

Однако «*педагогика и философия*

обычно не взаимодействуют, педагоги не обращаются к философии, а философы не интересуются педагогикой», – сетуют современные исследователи [6, с. 651]. А потому «большинство современных дискуссий по проблемам стратегии трансформации системы образования часто ведется вне критической рефлексии из философских оснований» [6, с. 599].

Исходя из этого проблему сопряжения **философии** и **образования** считаем чрезвычайно актуальной и потому имеющей как теоретическую, так и практическую значимость. Но эта проблема настолько сложна, многоаспектна и противоречива, что требует монографического исследования. В пределах же статьи, во-первых, сузим ее до ядерной проблемы сопряжения **образования** и **познания**, т. к. именно познание определяет содержательные горизонты для современного образования, а социальный заказ образования [5; 13; 47] стимулирует развитие новых аспектов познания; во-вторых, сузим проблему до конкретного, **предметного** изучения, а именно – **лингвистического образования и познания**, которые, впрочем, имеют множество специфических аспектов и проблем [50; 53].

Целью исследования является раскрытие сущности философии лингвистического образования и познания через установление их взаимообусловленности, взаимодействия и взаиморегулирования.

Материал и методы исследования

Источником сбора научной литературы по проблеме являются информационные базы интернета, прежде всего «Библиофонд» (<http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=14162>) и др. [см.: 27, с. 203-206]; словарно-справочная литература избиралась с использованием сайтов www.oat.ru и www.dct.rusland.ru, а также нашей личной картотеки, включающей еще и традиционные печатные источники [23-27].

Междисциплинарность рассматриваемой проблемы обуславливает использование комплекса синхронных методов, методик и технологий анализа, синтезирующего логико-философские, общенаучные, общедисциплинарные и частнодисциплинарные методы для конкретно-научного познания языка [12; 23-27; 41; 49] и методы чисто философского познания: категориальный анализ науки, философский синтез, философская рефлексия и философская интерпретация научного знания и научной деятельности [19; 20; 28; 30; 36; 44].

Результаты исследования и их обсуждение

Философия образования как область исследования образования, касающаяся его целей, принципов, формирования

содержания обучения, взятых в общекультурном аспекте, начала разрабатываться только во второй половине XX в. главным образом в США, Великобритании и Германии, где она преподается как учебная дисциплина, где созданы научные общества по проблемам философии образования и выпускаются специализированные периодические издания. В Российской Академии Образования (РАО) сравнительно недавно создан проблемный совет по философии образования [50, с. 367].

В третьем тысячелетии сформировалась область специальной философии – **философия педагогики и образования** как «метанаука, предметом которой являются педагогические науки и сфера образования, взятые в общекультурном аспекте» [20, с. 264-265]. Характерной чертой этой метанауки является то, что философские теории адаптируются применительно к проблемам образования и педагогики.

Для языкового образования инициируются:

- интеграция образования и науки, образования и культуры [9; 10; 13; 39; 45];
- обучение через исследование [18; 22; 28; 30; 42];
- ориентация на фундаментальные исследования в пределах познанного [20; 25; 45; 47];
- ориентация на междисциплинарную интеграцию наук [22; 28; 30; 42] и путей адаптации научного материала к возможностям обучения [45; 50];
- интеграция на принципы гуманизации и этизации обучения – открытости, доступности, непрерывности, информатизации, регионализации, валеологизации, акмеологизации, экономичности и др. [6; 50]; принципы языкового обучения [50, с. 230-240] и принципы языкового познания [25, с. 28-30; 41, с. 301-304].

Целью современного **языкового образования** является достижение баланса «когнитивного освоения учебных программ и стандартов и овладение компетенциями в сфере социально-профессиональной коммуникации, творческого и критического анализа использования образовательных технологий» [39, с. 16]. С позиции современной **методологии познания языком** как «учения о научном лингвистическом знании и способах его добывания» [50, с. 6] разграничиваются **лингводидактические основы обучения языку**, опирающиеся на общую теорию обучения языку и разрабатывающие методологию такого обучения, и **методические основы обучения языку**, характеризующие практическую сторону дея-

тельности преподавателя и учащихся по обучению и овладению языком [50, с. 6]. В качестве стратегической цели обучения лингводидактика определяет создание **языковой личности** (при обучении родному языку), **вторичной языковой личности** (при обучении неродному языку) и **профессиональной языковой личности** (при обучении преподавателей-лингвистов) [50, с. 392].

Исходя из цели нашего исследования обратимся именно к последнему типу личности, которая, во-первых, обладает базовыми компетенциями языковой личности, т. е., по Н. Хомскому (именно ему принадлежит заслуга введения понятия «**компетенция**»), «*обладает способностью понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений (высказываний) с помощью усвоения языковых знаков и правил их соединения*» [25, с. 428-431] и, во-вторых, обладает компетенциями *научного (лингвистического) знания и способов его добытия* [5; 39; 40; 44; 46].

Содержательная сторона этих **профессиональных компетенций** выражена вариативно в ряде федеральных государственных образовательных стандартов по лингвистике. Так, в госстандарте высшего образования уровень бакалавриата в области научно-исследовательской деятельности сформулированы как обязательные следующие **профессиональные компетенции**: «*способность использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач*» [43, с. 12].

Опираясь на профессиональные компетенции (как современный минимально достаточный уровень для «сопряжения» философии лингвистического образования и познания), перейдем к анализу второго «слагаемого» – **философии лингвистического познания**.

Большинство источников по классической философии, когда она признавалась «царицей наук», «наукой наук», характеризует ее как «*науку о всеобщих законах развития природы, общества и мышления*», а также как «*общую методологию познания и форму общественного сознания, направленную на выработку мировоззрения*» [28, с. 133]. В этом видится основной вклад философии в познание, который детализируется в исторически сложившихся основных разделах философии: **онтология** (учение о бытии как таковом), **гносеология** (общая теория познания), **методология** (часть теории познания, разрабатывающая общую теорию

о практической и познавательной деятельности человека), **аксиология** (теория об основных ценностях человеческого бытия), **антропология** (учение о человеке в его всеобщих и существенных характеристиках), **культурология** (учение о сущности культуры, ее формах, законах, функциях, факторах), **логика** (теория о формах, законах и методах правильного мышления); **праксеология** (общая теория деятельности человека), **эстетика** (учение о прекрасном в его формах, законах и нормах), **этика** (общая теория о морали и нравственности) и др. [19; 20; 22; 28; 30; 36].

Из этого следует, что общая философия выполняет множество функций, обусловленных ее сущностью, а также выполняет целый ряд частных функций, вытекающих из основных направлений философии. Наиболее востребованными являются три основные функции: **онтологическая, гносеологическая и методологическая** [6; 20; 28; 30; 36; 44].

Наблюдается, во-первых, трансформация понимания теории познания в третьем тысячелетии как «*раздела философии, в котором анализируются природа и возможности знания, его границы и условия достоверности*» [36. III, с. 47], во-вторых, оформление основных направлений философии, обозначенных нами, в самостоятельные науки; в-третьих, формирование во второй половине XX в. новых комплексных направлений (метанарправлений): **философии науки, науковедения, методологии науки, частных (отраслевых) «философий» науки, в том числе – философии образования и философии лингвистики**.

Философия науки, формирующаяся с середины XX в., рассматривается как «прикладная философия» (В. Г. Борзенков, Г. В. Бромберг, В. В. Ильин, Ф. В. Лазарев, С. А. Лебедев, Э. М. Мирский, Б. Г. Юдин и др.) или как «теория науки» (В. П. Кохановский, Т. Г. Лешкевич, Б. В. Марков, Т. П. Матяш, Ю. М. Хрусталева, В. С. Степин).

Круг проблем философии науки настолько широк, что он ведет к размыванию понимания философии науки. Так, можно выделить три группы проблем и подходов к ним:

- во-первых, проблемы, идущие от философии к науке, когда используется весь концептуальный аппарат философии, минимально представленный в данной статье [30; 36; 42; 44];

- во-вторых, проблемы, возникающие в самой науке и ее познавательной деятельности, требующие рефлексии философии над наукой, философских «подсказок» и функций «интеллектуальной разведки» [3; 6; 19; 28];

• в-третьих, проблемы взаимодействия философии и науки с учетом их фундаментальных различий: всеобщности философского знания и конкретности объектного (предметного) знания [25, с. 36; 42; с. 28, с. 134].

В связи с этим по-разному оцениваются место и значимость философии науки: 1) тип философствования, рефлексии над научным знанием и научным познанием (эпистемологией) с целью построения общенаучной картины мира (философы Р. Д. Декарт, Г. Лейбниц, И. Кант, Б. Рассел, Э. Мах, Ч. Пирс и др.; ученые: Г. Галилей, И. Ньютон, Ч. Дарвин, Г. Гельмгольц, Ф. Гаусс, А. Эйнштейн, Н. Бор, В. Гейзенберг, Н. И. Вавилов, И. Пригожин и др.) [28, с. 83]; 2) общие закономерности функционирования науки, научного знания и научного познания, посредствующее звено между естественнонаучным и социально-гуманитарным познанием (В. Дильтей, В. Виндельбанд, В.-Ж. Гадамер, Г. Риккерт...); 3) синтез принципов философии и ее оснований с результатами познания в различных науках и во взаимодействии с донаучными и вненаучными формами познания [25, с. 38-41; 36.I, с. 52].

Исходя из третьего направления под **философией науки** понимаем *«целостное и ценностное осмысление науки как специфической области человеческой деятельности во всех ее ипостасях: когнитивной, институциональной, методологической, знаковой, лингвистической, коммуникационной»* [44, с. 29].

В 80-е гг. XX в. сформировалось **методология науки** как *«часть теории научного познания, общей методологии, содержащая учение о методах, средствах и процедурах научной деятельности»* [28, с. 57].

В 60-е гг. XX в. сформировалось **науковедение** как комплекс научных дисциплин, исследующих науку и ее различные аспекты конкретно-научными методами и средствами [28, с. 66; 30; 44].

Общим признаком всех дисциплин, входящих в науковедение, является то, что их конечным продуктом является построение *конкретно-научных моделей*: парадигматическая модель Т. Куна, научно-исследовательская программа И. Лакатоса, эволюционная модель С. Туллина, модель личностного знания М. Полани, модель иррационального анархизма П. К. Фейерабенда и др. [25, с. 74-76]. При этом признается значительная роль философии науки и науковедения *«в изучении на метауровне*

междисциплинарных связей» [20, с. 264; 42; 44].

Однако к началу XXI в. появились сомнения в пользе и эффективности общей философии науки, общего науковедения и общей методологии для частнонаучного знания [20, с. 264; 30, с. 18; 44, с. 187], что обусловило появление **специальных (частнонаучных) «философий» наук** [20, с. 281; 30, с. 19], т. к. в них действительно осуществляется синтез философского и частнонаучного знания.

В связи с тем что *философия XX в. была преимущественно философией языка* [3: 9; 16; 20; 22; 25; 30; 44], то активно формируется **философия лингвистики** как *«метанаука, предметом которой является лингвистика»* [20, с. 261]. Философы подчеркивают, что поскольку объектом лингвистики является язык, то часто **философию лингвистики** приравнивают к **философии языка**. Однако некоторые философы считают такое приравнивание неправомерным, поскольку это *«содержит в себе опасность забвения концептуального аппарата лингвистических теорий»* [20, с. 261]. Существуют и другие разграничения: *«Если «философия языка» – это название объекта изучения, заголовков темы внутри философии, то «лингвистическая философия» – это в первую очередь, название философского метода»* [46, с. 6].

Такой вопрос ставят и лингвисты, но дают разные ответы:

1) выделяют узкую область – **философия обыденного языка**, которую именуют **лингвистической философией**, сосредоточившей свое внимание на анализе повседневной речи (обыденного, или обычного языка, а также этических сочинений) [29, с. 269-270];

2) под проблемой *«философские проблемы языкознания»* решаются вопросы как сущности языка, так и теорий, его описывающих [29, с. 545-547];

3) лингвофилософская проблематика соединяет в себе **философию языка** и **философию языкознания** [51, с. 9], при этом мы разделяем мнение В. С. Юрченко о том, что *«философия языка рассматривает саму языковую действительность как фрагмент мира; феномен реальной действительности, а философия языкознания – теории, модели об этом объекте»* [51, с. 314].

Результаты анализа концепций философии языка и философии языкознания сведены в таблицу 1 [19; 25, с. 64-65].

Таблица 1

Философские концепции языка / языкознания

Автор	Содержание концепций
Платон	Имя выражает сущность объекта.
Аристотель	Звуковой знак произволен, он является конвенцией и в качестве таковой условием коммуникации людей.
Стоики	Наряду со знаком как таковым и тем, что он обозначает, существует смысл (лектон) предложения, который может быть истинным или ложным.
П. Абеляр	Слова являются выражением концептов.
Д. Скот, У. Оккам	Наукой о языке является логика. Каждое слово, являясь знаком, обозначает единичное (концепция минимализма).
Дж. Локк, Д. Юм	Значениями слов, т. е. знаков, являются идеи.
И. Кант	Язык есть обозначение мыслей.
Э. Гуссерль	Язык, выступая результатом феноменологической работы субъекта, является средством формирования жизненного мира человека.
М. Хайдеггер	Язык – дом бытия.
Х.-Г. Гадамер	Язык – это среда понимания людьми друг друга.
Ж.-П. Сартр	Язык есть отношение одного человека к другому.
К.-О. Апель	Язык по своей природе не субъективен, а intersubjectiven.
Ю. Хабермас	Язык – это коммуникация.
Г. Фреге, Б. Рассел	Подлинной теорией языка является логика. Естественный язык неточен и приближителен.
Л. Витгенштейн	1. Значением слова является определенный предмет. Значением предложения является некоторое положение дел. 2. Значение слова есть его употребление. 3. Язык реализуется в форме языковых игр.
Дж. Остин, Дж. Серл	Речевые акты имеют грамматическое значение. Они могут быть успешными или неуспешными.
М. Фуко	Язык – это социальное средство функционирования властных отношений между людьми.
Ж. Деррида	Знаки не обладают значением, их никогда не прекращающееся деконструирование формирует путь жизни.
Ж.-Ф. Лиотар	Жизнь – это агонистика языковых игр, они не представляют нечто отличное от них.

Как видим из таблицы, философы спорят о природе языка и его теорий по ряду основных проблем: 1) о концептуальности языка; 2) о соотношении языка и ментальности; 3) о соотношении языка с внешним (предметным) миром; 4) о соотношении языка с деятельностью человека; 5) о соотношении в языке индивидуального и общественного; 6) о самостоятельности языка; 7) об игровом характере языка; 8) о соотношении формального и естественного языка; 9) о соотношении языка и речи [25, с. 65-68].

Итак, стремясь проникнуть в сущность языка, философы утверждают, что язык *концептуален, диалогичен* (Х.-Г. Гадамер), *проблематичен* (М. Фуко), *интерконтекстуален* (Ю. Кристева), *коммуникативен* (Ю. Хабермас) и имеет *игровой характер* (Л. Витгенштейн).

Предлагается следующее философское определение языка: «Язык – это intersubjectивное конструирование смыслов бытия» [20, с. 262]. Сегодня популярен радикальный тезис: «Все есть язык» [30, с. 232].

Рассмотренные проблемы позволяют признать, что «последние тридцать лет особое внимание философов фокусируется на теме «Познание и язык», которая грозит даже поглотить собой всю эпистемическую проблематику» [22, с. 7]

На этой основе перейдем к анализу основных составляющих философии лингвистического познания: **лингвистической онтологии, лингвистической гносеологии (эпистемологии) и лингвистической методологии.**

1. Лингвистическая онтология (греч. *on, ontos* – «сущее» + *logos* – «учение, наука») – учение о бытии языка и лингвистики. Проблема сущности лингвистической онтологии требует обращения к сложной дискуссионной проблеме об **объекте и предмете** исследования. С позиции теории познания и науковедения вопрос этот, казалось бы, решен: объект имеет *объективно-субъективную природу*, а постнеклассическая наука перешла на *субъект-субъективную* схему анализа [25, с. 90-96].

Однако применение этого подхода к конкретной дисциплине – **лингвистике** – дает неоднозначные ответы на вопрос об объекте лингвистики: 1) язык; 2) языки; 3) язык и языки; 4) наука о языке; 5) речь, речевая деятельность; 6) совокупность объективно реальных явлений языка и речи (Н. Ф. Алефиренко); 7) собственно язык, языковая способность, речевая деятельность, речь (В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин и др.).

Для принятия решения следует учесть три важных обстоятельства: во-первых, постановку вопроса о том, что изучает лингвистика – «реальный объект или абстрактную систему понятий» [41, с. 11], во-вторых, утверждение Ф. де Соссюра о наличии «системы лингвистик» – *лингвистику языка и лингвистику речи* [15]; в-третьих, мнение Ф. де Соссюра о том, что в лингвистике «точка зрения создает самый объект» [15, с. 36].

На этой основе, с нашей точки зрения, объект современной лингвистики включает *всю языковую реальность*, т. е. все то, что

познается в языке, языках, речи, речевой деятельности, тексте, дискурсе, как и то, что формулируется в процессе познания, т. е. теорию языка [25, с. 348].

При этом первой проблемой лингвистики, безусловно, является вопрос о **сущности языка**. Анализ отечественной и зарубежной литературы по лингвистике показывает, что на сегодняшний день осмыслена **многомерная модель языка**.

Во-первых, язык – общественное (социальное), биологическое, психическое и физическое явление [4; 12].

Во-вторых, есть разные модели функций языка как его сущностных свойств: *монофункциональные*, *бифункциональные* (коммуникативная – мыслеобразующая) и *полифункциональные* (Л. Блумфильд, К. Бюлер, Л. С. Выготский, Ю. Д. Дешериев, О. Есперсен, А. А. Леонтьев, А. Мартине, Н. А. Слосарева, Ю. С. Степанов, М. Хэллидей, Р. О. Якобсон и др.) явления.

В-третьих, констатируется коренная *двойственность* (В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Н. Хомский), *тройственность* (Э. Косериу, А. Гардинер, Л. В. Щерба, И. Р. Гальперин, А. Мустаойки) языка и даже его *четыре измерения* (Д. Г. Збогушевич, В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин) [25, с. 198-207].

В-четвертых, подчеркивается наличие множественности структур и свойств языка: *«Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т. д.»* [4, с. 140].

В-пятых, множественность моделей системы языка:

- *уровневая* модель системы языка, построенная по принципу восходящей / нисходящей сложности однородных единиц, в которой набор уровней (блоков) и отношений между ними определяется поразному (Э. Бенвенист, Г. Глисон, С. Д. Кацнельсон, И. П. Распопов, Л. М. Васильев);

- *пóлевая* модель системы языка, в которой объединение разнородных единиц по принципу ядра – периферии осуществляется по общности содержания (М. М. Покровский, П. Роже, И. Трир, А. М. Пешковский, В. Г. Адмони, Ю. Н. Караулов, Г. С. Щур, А. В. Бондарко);

- *многослойная* модель Д. С. Спивака;
- модель *ассоциативно-вербальной сети* Ю. Н. Караулова;

- *динамические* модели системы языка, в том числе и *психолингвистические* (Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, И. Н. Горелов, Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев,

А. Р. Лурия, И. А. Зимняя, И. А. Стернин) и другие, *«дополняющие друг друга и свидетельствующие об исключительной сложности системы языка, заключенной в мозгу человека»* [30].

В-шестых, отмечается множественность социальной дифференциации структуры, семантики и функций языка:

- по виду, способу материального воплощения речи (устная и письменная);

- по мононаправленности или полинаправленности средств языка в процессе речи (монологическая, диалогическая и полилогическая речь);

- по функциональным стилям (разговорно-бытовой, научный, официально-деловой, публицистический, художественный, религиозный и др.);

- по слоям, группам людей (социальные диалекты, профессиональные, гендерные и т. д.);

- по типам и жанрам словесных произведений (литературные и речевые жанры);

- по авторам словесных произведений (жанры речи, авторские идиостили и т. п.);

- по территории (наречия, диалекты, говоры) [4; 11; 15; 25; 29; 38; 52].

В-седьмых, язык рассматривается как сложнейшая *знаковая система*, предназначенная для того, чтобы с помощью конечного числа элементов (знаков) передать бесконечное множество информации при коммуникации [7; 33; 35; 48].

В-восьмых, язык представлен как ментальное явление и сущность: соотношение языка и мышления, языка и сознания, языка и бытования, существования человека в мире [2; 11; 12; 15; 16; 23; 29; 40].

В-девятых, язык трактуется как сложная *эволюционная система*, бытующая в единстве парадигматики и синтагматики, синхронии и диахронии, а также как *самоорганизующаяся, адаптивная система* [4; 12; 15; 16; 21; 23; 24; 29; 40].

Все выше описанное свидетельствует о *многокачественной и противоречивой* природе языка [25, с. 348-351], которая до сих пор в какой-то мере *«есть тайна»* (В. А. Звегинцев, А. М. Камчатова, Н. А. Николина, И. П. Сусов).

Обобщая фундаментальные признаки человеческого языка, В. П. Даниленко дает следующее определение языка: *«Язык – это особый – биофизический и психический – продукт культуры, представляющий собой наиважнейшую систему знаков, которая выполняет три основные функции – коммуникативную (общения), когнитивную (познания) и прагматическую (практические воздействия на мир)»* [12, с. 41].

Таковы далеко не полные представления о сложной, многокачественной природе

языка как объекта лингвистики, который, включаясь в любой вид деятельности человека, не сводим ни к одному из них.

Если сопоставить результаты осмысления сущности языка и его теорий в философии языка и философии лингвистики с описанными воззрениями лингвистов, то обнаружим их концептуальную близость. Отличия в основном сводятся к предметной конкретике лингвистов.

Из этого вытекает основной методологический постулат: *степень адекватности той или иной лингвистической теории природе языка может оцениваться по тому, в какой мере при его анализе учтено единство и взаимодействие всех трех миров: реального, мыслительно-го и языкового* (выделено мной – З. К.) [15, с. 13].

Следовательно, необходимо обратиться ко второму слагаемому метода лингвистики – теории языка, т. е. рассмотреть **дисциплинарную структуру лингвистики**.

Сущность языка, по В. фон Гумбольдту, – «отливает в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [15, с. 67] – обуславливает сложную разветвленную дисциплинарно-методологическую структуру современной лингвистики, включающую около 100 разных «лингвистик» [25, с. 350-365; 26; 38; 52] – как традиционных, так и новых, формирование которых в третьем тысячелетии было предсказано Вяч. Вс. Ивановым [16, с. 156].

Как установлено, вся совокупность знаний о языке – **макролингвистика** (термин введен американскими дескриптивистами) – с учетом объекта лингвистики включает два взаимосвязанных раздела: **теоретическую лингвистику** и **прикладную лингвистику**. Эта дихотомия была введена в науку отечественным ученым И. А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX – начале XX веков.

Но поскольку лингвистика (по словам И. П. Сусова) развивалась не прямолинейно, а зигзагообразно, *меня фокусы и векторы своих интересов, то и оформление этих разделов шло неодновременно и противоречиво*. Так, дихотомия **внутренняя лингвистика – внешняя лингвистика** была обозначена уже Ф. де Соссюром в начале века. В наши дни **внутренняя лингвистика** изучает как субстанциональные свойства языка как системно-структурного образования, так и функционально-прагматические свойства языковых единиц.

Дифференциация **внешней лингвистики**, в которой идет становление методологических основ многочисленных гибридных лингвистических дисциплин, относится

чаще всего к последней трети XX в. При этом существует мнение, что внешняя лингвистика – это внутренняя лингвистика, использующая для изучения языка методы пограничных наук, как правило, совместно с лингвистическими методами [22; 26].

Интерлингвистика – область языкознания, изучающая *международные языки* (как естественные, так и искусственные) как средство межъязыкового общения людей разных государств, – еще до конца не оформилась [27, с. 18].

Наконец, четвертый блок наук в теоретической лингвистике, обозначенный условно как «**промежуточная**» лингвистика, по определению Вяч. Вс. Иванова, – промежуточное звено между «*внутренней лингвистикой*» и «*внешней лингвистикой*», изучающей социальные и пространственно-временные условия бытования языка, находится в стадии оформления [16].

Таковы основные блоки **теоретической лингвистики**, с которой в двусторонних связях находится **прикладная лингвистика**. Сущность ее состоит в том, что она занимается решением конкретных практических задач, связанных с использованием языка, причем *языка в действии*. Характерно, что большинство лингвистов (В. М. Андрищенко, А. Н. Баранов, А. С. Герд, Вяч. Вс. Иванов) подчеркивает, что прикладное языкознание издавна отличалось широкой проблематикой, а в наши дни представляет собой разветвленную отрасль современной лингвистики [26, с. 128-136].

В целом, можно утверждать, что **макролингвистика** сегодня является сложной системой, объединяющей множество лингвистических наук, которые лишь *в совокупности* дают нам достаточно полное лингвистическое знание [27, с. 25].

При этом *историография лингвистики* свидетельствует о том, что происходит активное взаимодействие и сближение национальных лингвистических направлений и школ [16, с. 14], и наше отечественное языкознание все в большей степени втягивается в процесс планетарной интеграции лингвистической науки, все заметнее становясь частью мирового языкознания [11; 38; 52].

2. Лингвистическая гносеология (греч. *gnosis* – «познание» + *logos* – «учение, наука») – учение о способах познания языковой реальности, бытия языка. На протяжении всего хода многовекового развития методологической мысли в философии, философии науки, науковедении и конкретных наук было осознано, что одной из насущных проблем лингвистики третьего тысячелетия является создание системной методологии. Эта мысль осознана с позиции философии науки и науковедения (В. А. Канке, С. А. Лебедев,

В. С. Степин и др.) и с позиции современной синергетики (С. П. Капица, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен и др.), а также с позиции самой современной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Зубова, А. Е. Карлинский, З. И. Комарова, Г. П. Мельников, В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин, В. А. Ступин, К. Э. Штайн и др.).

3. Лингвистическая методология. Определим основные принципы [25, с. 28-31], основные постулаты и концепты **системной методологии языкознания**.

В философии науки, в теории научного познания введен суперконцепт **познавательная ситуация** – «условия познания любого объекта, включающие следующие компоненты: 1) объект познания; 2) субъект познания; 3) средства познания» [44, с. 501]. Возможна шестизвенная структура, включающая шесть взаимосвязанных элементов: 1) субъект деятельности; 2) цель деятельности; 3) средства деятельности; 4) предмет / объект, на который направлена деятельность; 5) сами активные действия; 6) результат деятельности [3, с. 18-19].

Как видим, этот суперконцепт дает лишь *формальную структуру* познавательной ситуации. Для содержательной интерпретации познавательной ситуации предлагаем ввести суперконцепт **эпистемическая ситуация** (греч. *episteme* – «знание») (термин Е. А. Баженовой и М. П. Котюровой) как совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов. При этом эпистемическую ситуацию рассматриваем как **метамодел** познавательного процесса [25, с. 31], поскольку она позволяет уточнить структуру **дисциплинарного лингвистического метода** – ввести в традиционную трехчастную структуру метода еще один компонент – **технологию**, что обусловлено императивом нашей техногенной цивилизации [1; 3], в которой «*складываются социокультурные условия воспроизводства технологий*» [36. III, с. 554].

Дефинируем эти основополагающие концепты.

1. Методология (нем. *Methodologie*, греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь» + *logos* – «учение, наука») – 1) учение о принципах, основных путях, методах и способах познания языковой действительности; программа исследования; 2) общая теория лингвистического метода.

2. Метод (греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь») – совокупность исследовательских методик, приемов и операций, т. е. средств исследования, используемых для

достижения цели и решения исследовательских задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности.

3. Методика – процедура применения тех или иных методов и приемов на всех этапах лингвистического исследования, которая зависит от личности лингвиста-исследователя.

4. Технология – фиксированная совокупность приемов научно-практической деятельности, приводящая к заранее определенному результату, включающая *способы и средства описания* получения нового знания и результатов лингвистического исследования как внешнюю форму методики, которая представляет собой *операционно-технологическую процедуру* [27, с. 32].

Важно подчеркнуть, что в этой тетрахотомии центральным компонентом является **метод** как специфический способ познания, поскольку, по Г. В. Гегелю, «*только метод способен обуздать мысль и вести ее к предмету исследования и удерживать в нем*» [8, с. 57]. Он подкрепляется с двух сторон: **методологией**, которая осмысляет границы его применения, его сущность, способы взаимодействия между субъектом и объектом в познавательной деятельности и др., а с другой стороны – **методиками** – конкретными способами реализации методов, связанными с определенным материалом.

Необходимо обратить внимание еще на один момент взаимодействия всех четырех концептов в этой эпистемической цепочке: если первые три компонента служат для выражения **процедуры открытия знания** [41, с. 11], т. е. являются *стратегией и тактикой* получения нового знания в исследовании в зависимости от его цели и задач, то четвертый компонент – **технология** – служит в основном для **изложения полученного знания** (по Ю. С. Степанову), хотя следует подчеркнуть, что он участвует и в **добывании научного знания**, если исходить из методологического постулата о внутреннем единстве **процесса открытия и процесса описания полученного знания** [41, с. 11].

Все сказанное позволяет обосновать структуру **системной лингвистической методологии**.

Описанные в кратком изложении основные принципы, постулаты и научные концепты **системной методологии лингвистики** составляют **первый – основной подход** в теоретической методологии и лингвистики [25, с. 28-33, 215-217].

Второй подход состоит в выявлении и синтезе источников и составных частей теоретической методологии, создающих ее

лингвистическое основание. К ним относим следующие: 1) философию и философию науки; 2) науку и науковедение; 3) логику и психологию; 4) аксиологию, этику и эстетику; 5) семиотику и лингвистику; 6) терминоведение [25, с. 34-213].

Отметим при этом, что число наук, входящих в основание, взято с позиции минимально достаточной для получения достоверности, но не исчерпывающе, что, собственно говоря, невозможно, т. к. современная «синтезированная» лингвистика не имеет в исследовании «чужих полей». Поскольку языки способны вербализовать любой тип знания (лингвистическое, гуманитарное, естественнонаучное, техническое и т. д.), то в континуум оснований методологии практически могут быть включены все науки, существующие «здесь и сейчас». Но они, вне всякого сомнения, занимают разные места по отношению к лингвистике, потому нами были рассмотрены только наиболее, так сказать, «лингвоцентрические» науки [25, с. 215].

Третий подход заключается в характеристике логической структуры научной деятельности – это в первую очередь обсуждение проблем объекта и субъекта, объекта и предмета исследования, его форм (*гипотеза, факт, теория, концепция, закон*), средств изучения, а также результатов исследования и их верификации. Но основным концептом, безусловно, является теория метода [25, с. 71-95; с. 218-225].

Четвертый подход к системной методологии – это анализ **временной структуры** научной деятельности (*фазы, стадии, этапы*) и **технология** выполнения исследования на каждом из последовательных этапов работы [25; с. 633-670; 27, с. 38-80].

Пятый подход состоит в синтезе **содержательной и формальной методологии**. Содержательная включает рассмотрение законов, теорий, концепций научного знания, критериев научности и их изменений и т. д. Формальная методология состоит в практическом применении положений содержательной методологии (*методика и технология*) [25, с. 41-58; 27].

Итак, учет многомерности, многоликости, парадоксальности языка, его полиморфизма и вероятностной природы [16; 35], сложной дисциплинарно-методологической структуры современной полипарадигмальной лингвистики [23-27], синергичности языковой системы [21-24], позволяет создать модель, в которой системная лингвистическая методология представляет собой иерархическую субординированную систему, включающую девять методологических уровней [25; с. 216]:

1) *философский* [25, с. 34-68]; 2) *системологический* [25, с. 151-167, 263-271]; 3) *синергетический* [21; 25, с. 272-275]; 4) *семиотический* [25, с. 170-198, 276-278]; 5) *общенаучный* [25, с. 291-324]; 6) *частнонаучный, социально-гуманитарный* [25, с. 327-342]; 7) *дисциплинарный, общелингвистический* [25, с. 198-211; с. 381-493]; 8) *чastenодисциплинарный* [25, с. 498-628]; 9) *методика конкретного лингвистического исследования* [12; 25-27; 46; 52].

Подчеркнем, что взаимосвязь и проницаемость методологических уровней, особенно гибридных, создает единое целое полипарадигмальной лингвистики и обеспечивает ее связь с когнитивными ресурсами современной культуры [25, с. 288], что позволяет ей выполнять роль не только дисциплинарной методологии, но и методологического «локомотива» в формировании общенаучной и межнаучной методологии [2; 16; 17; 23; 32; 38; 41].

Проведенный концептуальный анализ позволяет обобщить полученные результаты и наметить перспективы.

1. Первые два десятилетия текущего века ознаменовались проблематизацией «союза» философии лингвистического познания и образования. Постановка проблемы обусловила поиск путей ее решения, который на данном этапе может рассматриваться прежде всего как выявление предпосылок и истоков обозначенной интеграции, как «введение» в теорию интеграции через обоснование базовых концептов, детерминант ее понятийного аппарата. В связи с этим дан подзаголовок статьи. Учитывая сложную, многокачественную сущность языка, его полиморфизм и вероятностную природу, концепции такой интеграции могут быть только **многовариантными**, один из которых представлен в данной статье.

2. Основными внешними источниками и предпосылками искомой интеграции являются, во-первых, переход человечества от одной эпохи мышления и деятельности к другой, от века анализа и синтеза к веку **систем**, преимущественно – **сверхсложных, самоорганизующихся**, каким является язык, и формирование **синергетического** типа мышления; и, во-вторых, то, что в современной постнеклассической науке начала XXI в. сформировался **социотехникоинновационно-научно-культурный суперкомплекс** (со множеством взаимосвязей в нем) [3, с. 208], что привело к информационно-технологической эре мировой цивилизации с ее глобализацией и антиглобализацией [1; 3; 9; 20; 21; 28; 30].

3. Основной **внутренней** предпосылкой и источником интеграции является состояние современной лингвистической

науки и образования. При этом, во-первых, в обозначенном выше суперкомплексе формируется новый вектор наук: **семиотика** → **лингвистика** → **логика** → **математика** → **физика** → **химия** → **геология** → **биология** → **социальные науки** → **технические науки** [20, с. 188]. Во-вторых, в данном векторе наук **семиотика** рассматривается как **первонаука** [20, с. 188], т. к., по Ч. У. Моррису, «это инструмент для всех наук, поскольку любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знаков», и потому, «человеческая цивилизация невозможна без знаков» [34, с. 46]; это метанаука, «имеющая общеобразовательное значение» [48, с. 3], поскольку она может «предвидеть направление развития коммуникации и познания человечества, прогнозировать их будущее» [7, с. 178]. А **лингвистика** – вторая метанаука, т. к. «земная цивилизация <...> задается языком» [35, с. 46], который как «**универсальная <...> общесемиологическая модель** занимает **срединное положение между семиотиками искусств, передающими наглядно-образное содержание, и семиотиками наук – носителями абстрактно-логического знания**» [33, с. 376], а **современная лингвистика** в результате концептуальной интеграции пересекает границы прежнего лингвистического мира: она «стала изучать все, что вербализовано» [32, с. 8], любой тип знания, синтезируя с позиции кодирования и декодирования знания практически все науки, существующие «здесь и сейчас» [25, с. 209]. В

целом, теоретико-методологическая база современной полипарадигмальной лингвистики способна обеспечить высокие горизонты лингвистического образования [11; 15; 16; 20; 25; 32; 38; 52].

4. В философии лингвистического познания и образования одновременно действуют десять постулатов, факторов, концептов, выполняющих интегративную функцию: 1) антропоцентризм; 2) познавательно-деятельностный прагматизм; 3) дискурсивно-деятельностный прагматизм; 4) синергетический; 5) семиотический; 6) герменевтический; 7) полипарадигмальный; 8) категориальный; 9) комбинаторный; 10) социокультурный. Все это свидетельствует о необходимости синтеза **познавательного и образовательного полей**.

5. Однако в наши дни интеграция **познавательного и образовательного полей** реализуется неоднозначно, противоречиво, преодолевая множество вызовов, препятствий, бифуркаций. Существует дисбаланс между теоретико-методологической готовностью к синтезу и взаимной конвергенции лингвистического познания и образования и их практической реализацией в процессе модернизации и реформирования образования в целом и **языкового образования** в частности [6; 37; 53]. Для преодоления дисбаланса целесообразно выдвинуть вектор этой конвергенции в качестве **приоритетного**, что обеспечит эффективность реформирования языкового образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М. : Владос, 1994. – 336 с.
2. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М. : Прогресс, 2003. – 304 с.
3. Бабосов Е. М. Социология науки. – Минск : Харвест, 2009. – 224 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Эдиториал УРСС, 2002.
5. Болонский процесс и реформа российской системы образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform>.
6. Войтов А. Г. История философии науки : учеб. пособие для аспирантов. – М. : Дашков и К, 2004. – 692 с.
7. Враймуд И. В. Знаки и знаковое сознание: графосемиотический подход. – М. : Флинта: Наука, 2016. – 190 с.
8. Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук. – М. : Мысль, 1975.
9. Гейзенберг В. Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое / пер. с нем. – СПб. : Наука, 2006. – 572 с.
10. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. – М. : Совершенство, 1998. – 408 с.
11. Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – 312 с.
12. Даниленко В. П. Методы лингвистического анализа: курс лекций. – М. : Флинта ; Наука, 2015. – 280 с.
13. Джоэль М. Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестник Ростовского гос. ун-та. – 2004. – Т. 2. – № 1. – С. 10-37.
14. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма реформы образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 32-42.
15. Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии : учеб. пособие. – М. : РУДН, 2002. – 472 с.
16. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
17. Ильин В. В. Теория познания. Эпистемология. – М. : Либроком, 2011.
18. Каган В. А. Философия культуры. – СПб. : Петролис, 2011. – 415 с.

19. Канке В. А. Основные философские направления и концепты науки. – М. : Логос, 2004. – 400 с.
20. Канке В. А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь. – М. : Омега-Л, 2008. – 328 с.
21. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М. : Наука, 2001. – 288 с.
22. Касавин И. П. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М. : Канон, 2008. – 353 с.
23. Комарова З. И., Дедюхина А. С. Категория как формат знания в когнитивной лингвистике, когнитивном терминоведении и философии науки: история и современность // Термінологічний вісник. – Киев : ІУМ НАНУ, 2011. – № 1. – С. 28-46.
24. Комарова З. И. Язык, языковая система, лингвистика в зеркале синергетики // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 116-122.
25. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта ; Наука, 2013. – 820 с.
26. Комарова З. И. Лингвистика и лингвистики в мире современной науки // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2014. – № 2. – С. 128-136.
27. Комарова З. И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики : учеб. пособие. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. – 206 с.
28. Лебедев С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). – М. : Академический проект, 2008. – 692 с.
29. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред В. И. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
30. Марков Б. В. Философия : учебник. – СПб. : Питер, 2011. – 432 с.
31. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений : в 39 т. – М. : Госполитиздат, 1954. – 1981.
32. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
33. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций : учеб. пособие. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
34. Моррис Ч. У. Основания теории знаков / пер. с англ. // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. – М. : Радуга, 2001. – С. 45-97.
35. Налимов В. В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. – Томск ; М. : Водолей Publishers, 2003. – 368 с.
36. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010.
37. Нюсамбаев А., Курганская В. Философия и образование: поиск согласия // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – С. 37-46.
38. Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М. : РАН ИНИОН, 2006. – 164 с.
39. Профессионально ориентированные технологии в языковом образовании : коллект. моногр. – М. : Флинта, 2012. – 222 с.
40. Рождественский Ю. В. Философия языка. Культуроведение и дидактика. – М. : Грантъ, 2003. – 239 с.
41. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М. : ЛКИ, 2007. – 312 с.
42. Степин В. С. Наука и философия // Вопр. философии. – 2010. – № 8. – С. 58-75.
43. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Направление подготовки 45.03.02 – Лингвистика (утв. Приказом Минобрнауки РФ № 940 от 7 авг. 2014 г.).
44. Философия науки: общий курс : учебное пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. – М. : Академический проект, 2007. – 731 с.
45. Философия образования: состояние, проблемы, перспективы (материалы заочного «круглого стола») // Вопр. философии. – 1995. – № 11. – С. 70-94.
46. Философия языка : пер. с англ. / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – 208 с.
47. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / пер. с англ. – М. : Весь мир, 2003. – 232 с.
48. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем: элементы семиотики. – М. : Логос, 2012. – 513 с.
49. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. – М. : Наука, 1997. – 548 с.
50. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. – М. : Астрель ; АСТ ; Хранитель, 2007. – 746 с.
51. Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: лингвофилософские очерки. – М. : ЛКИ, 2008. – 368 с.
52. Язык и наука конца XX в. : сб. ст. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т ; Ин-т языкознания РАН, 1995. – 345 с.
53. Языковое образование сегодня – векторы развития : мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2016. – 261 с.

REFERENCES

1. Abdeev R. F. Filosofiya informatsionnoy tsivilizatsii. – М. : Vldos, 1994. – 336 s.
2. Azhezh K. Chelovek govoryashchiy. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki. – М. : Progress, 2003. – 304 s.
3. Babosov E. M. Sotsiologiya nauki. – Minsk : Kharvest, 2009. – 224 s.
4. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. – М. : Editorial URSS, 2002.
5. Bolonskiy protsess i reforma rossiysskoy sistemy obrazovaniya [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.bstu.ru/about/important/vpo/reform>.
6. Voytov A. G. Istoriya filosofii nauki : ucheb. posobie dlya aspirantov. – М. : Dashkov i K, 2004. – 692 s.

7. Vraymud I. V. Znaki i znakovoe soznanie: grafosemioticheskiy podkhod. – M. : Flinta: Nauka, 2016. – 190 s.
8. Gegel' G. V. Entsiklopediya filosofskikh nauk. – M. : Mysl', 1975.
9. Geyzenberg V. Izbrannyye filosofskie raboty. Shagi za gorizont. Chast' i tseloe / per. s nem. – SPb. : Nauka, 2006. – 572 s.
10. Gershunskiy B. S. Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka. – M. : Sovershenstvo, 1998. – 408 s.
11. Gorizonty sovremennoy lingvistiki: traditsii i novatorstvo : sb. v chest' E. S. Kubryakovoy. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2009. – 312 s.
12. Danilenko V. P. Metody lingvisticheskogo analiza: kurs lektsiy. – M. : Flinta ; Nauka, 2015. – 280 s.
13. Dzhoel' M. Obshchestvo znaniya: teoreticheskie i istoricheskie osnovy // Ekonomicheskii vestnik Ros-tovskogo gos. un-ta. – 2004. – T. 2. – № 1. – S. 10-37.
14. Zimnyaya I. A. Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma reformy obrazovaniya // Vysshee obra-zovanie segodnya. – 2003. – № 5. – S. 32-42.
15. Zubkova L. G. Obshchaya teoriya yazyka v razvitii : ucheb. posobie. – M. : RUDN, 2002. – 472 s.
16. Ivanov Vyach. Vs. Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu. – M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 208 s.
17. Il'in V. V. Teoriya poznaniya. Epistemologiya. – M. : Librokom, 2011.
18. Kagan V. A. Filosofiya kul'tury. – SPb. : Petrolis, 2011. – 415 s.
19. Kanke V. A. Osnovnye filosofskie napravleniya i kontsepty nauki. – M. : Logos, 2004. – 400 s.
20. Kanke V. A. Filosofiya nauki: kratkiy entsiklopedicheskiy slovar'. – M. : Omega-L, 2008. – 328 s.
21. Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetskiy G. G. Sinergetika i prognozy budushchego. – M. : Nauka, 2001. – 288 s.
22. Kasavin I. P. Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka. – M. : Kanon, 2008. – 353 s.
23. Komarova Z. I., Dedyukhina A. S. Kategoriya kak format znaniya v kognitivnoy lingvistike, kognitivnom terminovedenii i filosofii nauki: istoriya i sovremennost' // Terminologichnyi visnik. – Kiev : IUM NANU, 2011. – № 1. – S. 28-46.
24. Komarova Z. I. Yazyk, yazykovaya sistema, lingvistika v zerkale sinergetiki // Vestnik Pyatigorskogo gos. lingv. un-ta. – 2012. – № 4. – S. 116-122.
25. Komarova Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike : ucheb. posobie. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Flinta ; Nauka, 2013. – 820 s.
26. Komarova Z. I. Lingvistika i lingvistiki v mire sovremennoy nauki // Vestnik Pyatigorskogo gos. lingv. un-ta. – 2014. – № 2. – S. 128-136.
27. Komarova Z. I. Tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v sistemnoy metodologii sovremennoy lingvistiki : ucheb. posobie. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2016. – 206 s.
28. Lebedev S. A. Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii). – M. : Akademicheskii proekt, 2008. – 692 s.
29. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red V. I. Yartseva. – M. : Sov. Entsiklopediya, 1990. – 685 s.
30. Markov B. V. Filosofiya : ucheb. – SPb. : Piter, 2011. – 432 s.
31. Marks K., Engel's F. Sobranie sochineniy : v 39 t. – M. : Gospolitizdat, 1954. – 1981.
32. Maslova V. A. Sovremennyye napravleniya v lingvistike : ucheb. posobie. – M. : Akademiya, 2008. – 272 s.
33. Mechkovskaya N. B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lektsiy : ucheb. posobie. – M. : Akademiya, 2004. – 432 s.
34. Morris Ch. U. Osnovaniya teorii znakov / per. s angl. // Semiotika: antologiya / sost. Yu. S. Stepanov. – M. : Raduga, 2001. – S. 45-97.
35. Nalimov V. V. Veroyatnostnaya model' yazyka: O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov. – Tomsk ; M. : Vodoley Publishers, 2003. – 368 s.
36. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. – M. : Mysl', 2010.
37. Nyusambaev A., Kurganskaya V. Filosofiya i obrazovanie: poisk soglasiya // Vysshee obrazovanie v Ros-sii. – 2001. – № 1. – S. 37-46.
38. Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike. – M. : RAN INION, 2006. – 164 s.
39. Professional'no orientirovannyye tekhnologii v yazykovom obrazovanii : kollekt. monogr. – M. : Flinta, 2012. – 222 s.
40. Rozhdestvenskiy Yu. V. Filosofiya yazyka. Kul'turovedenie i didaktika. – M. : Grant", 2003. – 239 s.
41. Stepanov Yu. S. Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki. – M. : LKI, 2007. – 312 s.
42. Stepin V. S. Nauka i filosofiya // Vopr. filosofii. – 2010. – № 8. – S. 58-75.
43. Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya. Napravlenie podgotovki 45.03.02 – Lingvistika (utv. Priказom Minobrnauki RF № 940 ot 7 avg. 2014 g.).
44. Filosofiya nauki: obshchiy kurs : uchebnoe posobie dlya vuzov / pod red. S. A. Lebedeva. – M. : Akad-emicheskii proekt, 2007. – 731 s.
45. Filosofiya obrazovaniya: sostoyanie, problemy, perspektivy (materialy zaochnogo «kruglogo stola») // Vopr. filosofii. – 1995. – № 11. – S. 70-94.
46. Filosofiya yazyka : per. s angl. / red.-sost. Dzh. R. Serl. – M. : Editorial URSS, 2010. – 208 s.
47. Formirovaniye obshchestva, osnovannogo na znaniyakh. Novyye zadachi vysshey shkoly / per. s angl. – M. : Ves' mir, 2003. – 232 s.
48. Shreyder Yu. A. Logika znakovykh sistem: elementy semiotiki. – M. : Logos, 2012. – 513 s.
49. Shchedrovitskiy G. P. Filosofiya. Nauka. Metodologiya. – M. : Nauka, 1997. – 548 s.

50. Shchukin A. N. Lingvodidakticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. – M. : Astrel' ; AST ; Khranitel', 2007. – 746 s.
51. Yurchenko V. S. Filosofiya yazyka i filosofiya yazykoznaniya: lingvofilosofskie ocherki. – M. : LKI, 2008. – 368 s.
52. Yazyk i nauka kontsa KhKh v. : sb. st. – M. : Ros. gos. gumanitar. un-t ; In-t yazykoznaniya RAN, 1995. – 345 s.
53. Yazykovoe obrazovanie segodnya – vektory razvitiya : mat-ly VIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2016. – 261 s.